

Фабрис Рогге

дого своя «история болезни», особенности организма. Кошелёк у каждого тоже свой, конечно же.

Очень хорошие предложения делает Литва — по самым разным направлениям. Эта страна отличалась качественной медициной, ещё будучи советской республикой. По моему мнению, Литва — это сегодня «золотой стандарт» в плане соотношения качества и цены. Вот пример: пластика молочной железы. Операция, которая во Франции обойдётся в 10-15 тыс. евро, в Литве — 3-5 тыс.

Или, например, немцы. Они всегда славились своей ортопедией. Но вот английские футболисты сегодня едут лечить свои колени не в Германию, а в Бельгию. Уникальные наработки у бельгийцев есть по ожогам. Не зря именно в Бельгию отправился лечиться после аварии в Ницце Сулейман Керимов, туда же хотели отправить худрука Большого театра, получившего ожоги кислотой.

Вообще, бельгийская медицина — это отдельная тема. Страна в этом смысле совершенно не «раскручена», но я был потрясён, когда увидел их возможности. В университетских больницах стоит такое оборудование, которого в лучших клиниках Германии и Израиля порой не встретишь. Такого количества врачей мирового уровня тоже едва ли где-то встретишь. Бельгийские врачи очень рано начинают практиковать и к

40 годам становятся специалистами экстракласса. Скажем, Фабрис Рогге, главный врач Cosmipolis Clinic, с которой у нас налажены тесные связи, — один из лучших в мире пластических хирургов, признанный во всём европейском медицинском сообществе.

По лечению фактически любого заболевания бельгийцы «дадут фору» многим своим европейским соседям. При этом цены там вполне разумные, «логистика» — очень удобная, потому что страна маленькая. Из недостатков — разве что сложности с бельгийской визой.

📌 При выборе страны для лечения вы руководствуетесь больше профессионализмом врачей или уровнем оснащения больницы?

— Здесь тоже нельзя ответить: «или — или». Есть много случаев, в которых приходится искать узкий, индивидуальный подход. Например, находить одного единственного врача в мире, который действительно мог бы помочь.

Не так давно была у меня пациентка, молодая девушка. Саркома, очень запущенный случай — затронут уже тазобедренный сустав. Обращался в Литву, Бельгию, в Москву — все отказывались лечить или объявляли совершенно «неподъёмные» цены. Но один врач в университетской клинике Ингольштадта, Германия, посмотрел снимки, анализы и сказал: «Да, я такими операциями

занимаюсь — берусь». Цена — вдвое меньше, чем в других центрах. Тоже дорого, пришлось объявлять сбор средств, но собрали. Девушку прооперировали и даже подарили ей коляску при выписке. Ногу она, правда, потеряла, но осталась жива, хотя по всем российским медицинским канонам уже девять месяцев как должна была умереть. Более того: операция обошлась дешевле, чем планировали, и скрупулёзные немецкие медики пересчитали и вернули около 8 тыс. евро.

Или знаю одну женщину в Белграде. Непревзойдённый специалист по травмам мышц, разработала и внедрила собственную методику лечения, очень эффективную. Её даже «покупала» одна из африканских сборных по футболу на время проведения недавно прошедшего чемпионата Африки. Хотя сама — фельдшер, у неё даже высшего медицинского образования нет.

Но оборудование тоже много значит. Скажем, в той же Бельгии в клиниках есть аппараты «Да Винчи» — фактически робот, который делает операции самостоятельно. Это самое последнее слово в онкологии, урологии. В ряде случаев наличие такой технологии играет определяющую роль.

Нет жёсткой догмы. Всё индивидуально. Вот почему, когда ко мне обращаются, я всегда беру дней 5-7 на сбор и подготовку информации — какое